

Карлаг и картошка

Дело было в 1955 году, в первый год моей работы в «Карагандагипрошахте». Тогда все жили не богато, а, если точнее, бедно, и на предприятиях старались как-то поддержать своих работников. Одним из таких мероприятий была осенняя кампания по заготовке овощей. Предприятия организованно привозили овощи (капусту, картофель), люди их раскупали и мешками развозили по домам – кто на служебном грузовике (своих машин тогда было мало), а когда уже лежал снег, то и на детских санках.

В тот год у нас произошла заминка с картофелем – то ли завезли его мало, то ли продавали по слишком высокой цене. Викман, один из ведущих конструкторов института, «отсидевший» годы в Карлаге, предложил:

— Съездим в Долинку, на карлаговские огороды, там можно взять картошку у охраны, за водку. Я уже ездил так за картошкой.

К нему присоединился Квон, начальник нашего горного отдела, который предложил принять участие и нам, двум молодым специалистам (больше, я думаю, на роль грузчиков).

На работе нам дали грузовик, и в субботний полдень (суббота была тогда рабочим днём) мы отправились в Долинку. Квон и Викман сидели в кабине, рядом с шофёром, с собой у них была сумка с водкой, которую купили заранее. Мы, двое, расположились в кузове, на пустых мешках под картошку.

Викман показывал дорогу, и, не доезжая Долинки, мы свернули на картофельные огороды. Там, действительно, шла уборка картофеля, работали женщины-заклужённые. Но охрана, оказывается, была уже не та, какую помнил Викман. Это был, повторюсь, 1955 год, Сталина уже не было, шло массовое освобождение из лагерей, работников охраны, естественно, тоже сокращали. Поэтому каждый из них «цеплялся», если можно так выразиться, за своё «рабочее место». Встретившие нас охранники также не стали рисковать, не взяли предложенную нами водку, и мы, соответственно, остались без картофеля.

Мы стояли, не зная, что делать. Подошёл один из охранников:

— Завтра в Долинке праздник урожая, картошку можно купить на колхозном базаре, она там дешевле.

Викман сказал:

— Я думаю, не стоит возвращаться пустыми, переночуем в Долинке, а завтра съездим на базар.

— А где переночуем?

— У моих знакомых.

Наш грузовик направился в сторону Долинки. В посёлок мы въехали уже в сумерках, проехали несколько деревенских улиц, и, не доехав до центра, где высилось здание управления Карлага, остановились у дома, выгодно

отличавшегося от соседних саманных построек. Железная крыша, высокие окна с резными наличниками, цокольный полуподвал. Дом выходил фасадом на улицу, с трёх других сторон его окружал сад с невысокими деревьями.

Мы оставили машину на улице и, отворив незапертую, почему-то, дверь, вошли в подъезд и по широкой деревянной лестнице поднялись на жилой этаж.

Наверху оказались ещё двери. Викман постучался в одну из них. Открыла женщина, и, увидев Викмана, пригласила нас войти. Мы оказались в коридоре, заставленном массивной и, как мне показалось, дорогой мебелью. Нас провели в большую комнату, где мебели тоже было больше, чем нужно. Посреди комнаты стоял широкий дубовый стол, за которым мы и расположились.

Женщине, которая нас привела, было лет за сорок. Смуглое красивое лицо, гладко зачёсанный тёмный с проседью волос, скромное чёрное платье. В её облике, как мне показалось, было что-то неуловимо печальное.

Викмана здесь знали (вероятно, со времён его отсидки в Карлаге), потому что хозяйка стала его расспрашивать, пенять, что долго не появлялся. Он стал оправдываться, потом представил нас, объяснил, зачем мы приехали. Женщина сказала, что её зовут Вера Николаевна и добавила:

— Конечно, можете ночевать, только на ужин у меня ничего нет, только вот арбузы.

И она показала в угол, где лежало несколько больших арбузов.

Мы поблагодарили и сказали, что нам на ужин и арбузов достаточно. На большом столе разрезали ярко-красный арбуз, кто-то сбегал за сумкой с водкой (не пропадать же добру). Наполнили гранёные стаканы, всем, конечно, поровну.

Вдруг где-то внизу раздался дикий крик, скорее рёв, кричал мужчина. Мы вскочили, выбежали в заставленный коридор и далее в подъезд и остановились на верхней площадке широкой лестницы. Внизу у лестницы стоял раздетый до трусов и, похоже, избитый до крови парень. Выставив сжатые кулаки и оглядываясь по сторонам, словно готовясь и дальше драться, он пьяно кричал:

— Ма-ама! Ма-ама!

Увидев нас, он остановился и ошалелыми глазами уставился на группу незнакомых ему людей. Первое, что он подумал – это за ним, пришли его добивать. Но увидев среди нас Веру Николаевну, он утробно заревел:

— М-а-а-м-а-а!!

И в несколько прыжков поднялся наверх. Вера Николаевна молча обняла его и куда-то увела.

Мы вернулись к столу. Все молчали. Наконец, Квон поднял тост за спокойствие в этом доме, и каждый выпил свой стакан. Закусывали крупными кусками сахарного арбуза. И это был первый и последний раз, когда, выпив целый стакан водки, я её даже не почувствовал. Да и остальные, как говорится, были «не в одном глазу», я могу это подтвердить. То ли сказало потрясение от только что увиденного, то ли это была «заслуга» красного арбуза.

Вернулась Вера Николаевна с красными от слёз глазами. И тут её прорвало. Она сказала, что после смерти мужа (он был каким-то важным для Карлага начальником), всё у них, как она выразилась, пошло прахом. Их уплотнили, всю мебель пришлось собрать здесь, а места, видите, не хватает. Я подумал - так вот откуда «дорогая» мебель – она сделана заключёнными, а краснодеревщиков среди них, наверняка, было достаточно.

Да и с детьми, продолжала она, совсем беда. Старший, Володя, заболел, какой-то психической болезнью. Ходит, молчит, ни с кем не разговаривает. Может всю ночь где то бродить, вот и сейчас его нет дома. А с младшим, Николаем, тоже нехорошо - вы его видели. Пьёт, хулиганит, нехорошие кампании, играет в карты – вот и сегодня была карточная драка. И милиция не раз к нам приходила.

Разговор прервался с появлением Николая. Он отмылся, на нём был приличный костюм. Он сел в кресло в стороне от нас и вальяжно закурил. Было видно, что он «производит впечатление».

— Мама, что это у нас за гости? – спросил он Веру Николаевну.

Она объяснила – люди приехали за картошкой. Это, почему-то, ему не понравилось.

— Это пошло - приезжать за картошкой, - надменно сказал он и вышел из комнаты.

Он надеялся, что мы серьёзные «фраеры», с которыми можно «поработать», а тут такое...

На ночлег хозяйка предложила нам эту же комнату, благо, что здесь стояло несколько диванов, и мягких и отделанных резьбой деревянных.

— Только машину загоните во двор, я не надеюсь на Николая, - сказала она, - а лучше, если вы её покараулите. Ещё Володя где-то ходит, но вы его не бойтесь – он смирный.

Своего Николая она, конечно, знала лучше нас, поэтому совет охранять машину мы восприняли со всей серьёзностью. Дежурить решили поочередно, на каждого пришлось часа по два. Первым на дежурство отправился я.

Наш шофёр перегнал грузовик во двор, который оказался совсем небольшим – деревья близко подступали к машине. Показав, где в кабине лежит разводной ключ («для обороны»), он ушёл. Я забрался в кабину, запер изнутри двери, проверил, как открываются-закрываются стёкла, и «приступил к дежурству».

При слабом свете луны соседние деревья находились в каком-то сером тумане.

Напряжённо вглядываясь в этот туман, я был в постоянном ожидании возможного нападения банды Николая или тихого явления сумашедшего Володи. Иногда мне казалось, что в тумане появлялся чей-то силуэт, но он исчезал. Один раз я неловко повернулся, и на мгновение показалось, что к стеклу прижалось чьё-то бледное лицо...

Дежурство в таких страхах пролетело незаметно. Я с облегчением отставил кабину, разбудил следующего дежурного и улёгся спать. Проснулся утром, когда наша компания уже готовилась к отъезду.

Мы поблагодарили хозяйку и, спустившись по широкой лестнице, вышли на улицу. Я ещё раз оглянулся на этот дом, вспомнил царящую в нём тягостную обстановку и безысходную трагедию женщины в чёрном. И подумал, что эта женщина и её несчастная семья, возможно, расплачиваются за всё то горе, которое пережили тысячи заключённых, когда ими «командовал» её покойный муж, один из начальников Карлага...

А картошку мы купили на колхозном базаре.